

ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

О. Ф. Шабров

*Доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики
факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация, oshabr@mail.ru*

Раскрыты основные глобальные факторы, оказывающие существенное влияние на функционирование современных государств. Ставится проблема перспектив национального государства, представлен прогноз появления возможных альтернатив этому институту.

Ключевые слова: государство, глобальные факторы, цикл мировой гегемонии, антропогенная нагрузка, нация, идентичность, демократия, свобода.

THE STATE IN THE CONTEXT OF MODERN GLOBAL CHALLENGES

O. F. Shabrov

*Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Policy Faculty of
Political Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow,
Russian Federation, oshabr@mail.ru*

The main global factors that have a significant impact on the functioning of modern states are revealed. The problem of the prospects of the national state is posed, and a forecast of the emergence of possible alternatives to this institution is presented.

Keywords: state, global factors, cycle of world hegemony, anthropogenic pressure, nation, identity, democracy, freedom.

С каждым годом становятся всё более очевидными изменения, делающие мир третьего тысячелетия всё более неузнаваемым. В научный обиход вошло понятие постмодерна, отразившее разрыв нового уклада, ставшего уже привычным, с укладом эпохи модерна, возникшего на основе индустриального общества. Изменения эти существенно отразились на мире политики и роли современного государства, но не нашли ещё должного отражения в политической науке.

Самым, пожалуй, очевидным является завершение очередного цикла мировой гегемонии. Не успел, казалось бы, с распадом СССР сформироваться однополярный мир, как на Востоке образовался новый полюс – Китайская Народная Республика, бросившая вызов гегемонии Соединённых Штатов Америки. Уже по итогам 2014 г. КНР по размеру валового

внутреннего продукта (ВВП) по паритету покупательной способности (ППС) впервые обошла США [1], а в 2022 г. доля КНР в мировом ВВП по ППС составила 18,4%, тогда как доля США – 15,5% [2, с. 182]. Соответственно, началась борьба за ресурсы и передел сфер влияния.

Острота этого очередного передела усиливается амбициями новых коллективных игроков – транснациональных корпораций и мировых финансовых центров. Можно считать уже свершившимся фактом смещение центра принятия решений с государственного на надгосударственный уровень [3]. Анализируя мировой экономический кризис 2008 г., Дж. Сорос верно заметил, что «государствам приходится уделять всё больше внимания требованиям со стороны международного капитала в ущерб ожиданиям собственных граждан» [4, с. 197]. Влияние наднациональных элит на государственную политику становятся всё более явным [5], пренебрегать им при анализе государственной политики становится всё менее возможным.

Борьба за «новый передел» многократно обостряется на фоне запретельного роста антропогенной нагрузки на природу, спрогнозированного ещё в 1972 г. в докладе Римскому клубу [6]. Сегодня из экономической плоскости проблема ресурсов переросла уже в проблему выживания человечества. В 2017 г. более 15 тысяч учёных из 184 стран подписали «предупреждение человечеству» о реальной угрозе истощения природных ресурсов [7]. Возник реальный конфликт интересов: либо существенное сокращение потребления, – прежде всего, наиболее обеспеченной части населения планеты, включая глобальные элиты, – либо не менее существенное сокращение численности массовых потребителей. В информационном пространстве речи о первом варианте практически не идёт, зато о необходимости второго в 2011 г. было вполне откровенно заявлено главой корпорации Роснано А.Б. Чубайсом [8]. Отпечаток этого конфликта интересов можно обнаружить в политике даже такого крупного государства как США.

Появление влиятельных наднациональных игроков ставит под вопрос сам смысл функционирования сформированной на Западе модели представительной демократии. В той мере, в которой государство утрачивает внешний суверенитет, принадлежащая народу доля власти сокращается. Народ, оставаясь по конституциям источником власти, в реальности сталкивается с конкуренцией со стороны другого мощного источника власти – ТНК и МФЦ, интересы которых могут быть прямо противоположными национальным интересам. Модель современного национального государства подвергается фундаментальной деформации.

Мало того, деформируется и сам народ как исторически сложившееся на территории страны социальное образование, объединённое общими социальными ценностями и исторической памятью, чувством идентич-

ности, связи своей судьбы с судьбой страны и государства. Национально-государственная идентичность стала в индустриальную эпоху новым, помимо государства, необходимым фактором устойчивости социальных систем. Г. Лебон называл этот фактор душой народа и с полным основанием предупреждал, что «с того времени, как она исчезает, народы распадаются» [9, с. 11]. В странах постмодерна национально-государственная идентичность подвергается серьёзному испытанию.

Её ослаблению способствует ряд объективных и субъективных факторов. Первый из них, на который обратил внимание С.П. Капица [10, с.240], – радикальное ускорение хода истории, связанное с сокращением технологических циклов и затрудняющее действие механизма культурного наследования: опыт предшествующих поколений всё меньше соответствует миру, в который вступают молодые люди. Второй – перенос растущего объёма социального общения между людьми из реального в виртуальное пространство, в котором невозможно эффективное воспроизводство в новых поколениях ценностей национальной культуры. Разрушительно влияет на культуру народов развитых стран и тем самым на национально-государственную идентичность массовая иммиграция. В результате народ неуклонно превращается в население – совокупность индивидов, ориентированных, прежде всего, на личное благо и не отягощённых ни памятью предков, ни ответственностью за судьбу будущих поколений. Это, наряду с появлением влиятельных надгосударственных источников власти, также ставит под вопрос эффективность западных моделей представительной демократии.

Наконец, современные технологии дали средствам информационного воздействия недоступные прежде возможности манипулирования общественным сознанием. Эффективность их использования многократно увеличивается в условиях, когда объектом манипулирования становится общество с разрушенными ценностными ориентирами. По итогам основательного исследования М. Дин, например, приходит к заключению, что «развитая либеральная власть превратила свободу в техническое средство управления» [11, с. 518]. Ранее Дж. Сорос выразил ту же мысль в более деликатной форме: «Люди поступают так или иначе не в соответствии со своими интересами, а в соответствии с собственным *восприятием* своих интересов» [4, с. 161]. Ту же мысль применительно к надгосударственному управлению сформулировал автор стратегии «Soft Power» Дж. Най: «Эта гибкая власть – понуждение других хотеть результатов, которые вы желаете получить» [12, с. 30]. Иными словами, в современных демократиях народы всё больше превращаются из реального источника власти в номинальный.

В итоге возникает вопрос о перспективах национального государства. Уже само по себе разрушение культур ставит под вопрос сохране-

ние наций, а значит, и национальных государств в соответствующих обществах. А утрата внешнего суверенитета, полная или частичная, лишает институты, называемые по инерции государствами, одного из их существенных признаков. Эта тенденция отрефлексирована и в научной литературе. Обсуждаются возможные альтернативы нации-государству, в том числе корпорация-государство, регион-государство, империя-государство, цивилизация-государство [13]. В любом случае сохранение государственных образований, опирающихся на культурную матрицу соответствующих народов, требует, прежде всего, сохранения самих народов, невозможного без целенаправленной и сильной политики в образовании, культуре, науке, информационном пространстве и в других сферах. А для сохранения внешнего суверенитета нужна, как минимум, адекватная экономическая политика, обеспечивающая независимость государственных экономик.

Библиографические ссылки

1. *Сухаревская А.* Китайская экономика официально стала крупнейшей в мире // РБК. 15.12.2018. URL: <http://www.rbc.ru/economics/08/10/2014/5434f48dcbb20faeeafe2a0a> (дата обращения: 10.03.2024).
2. *Храмова И. Ю., Морозова Т. С.* Сравнительная оценка экономических потенциалов стран БРИКС и «Группы семи» // Вестник алтайской академии экономики и права. Экономические науки. 2024. №1. С.179–184.
3. *Кочетков А. П.* Транснациональные элиты в глобальном мире. М.: Аспект Пресс, 2020. 208 с.
4. *Сорос Д.* Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков / Пер. с англ. К.Вагнера. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. 272 с.
5. *Шабров О. Ф.* Глобальные факторы политического управления: новые возможности и новые риски // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Том 15. № 2. С.236–244.
6. *Медоуз Д. и др.* Пределы роста / Пер. с англ.; Предисл. Г. А. Ягодина. М.: Изд-во МГУ, 1991. 208 с.
7. World Scientists' Warning to Humanity: A Second Notice // BioScience. December 2017 / Vol. 67 No. 12. P.1026–1028.
8. Чубайс о сокращении населения планеты Земля с 7 млрд до 1,5 млрд человек // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A0T4--gGdzk> (дата обращения: 10.03.2024).
9. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с.
10. *Каница С. П.* Глобальная демографическая революция и будущее человечества // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С.42–54.
11. *Дин М.* Правительность: власть и правление в современных обществах / Пер. с англ. А.А.Писарева. М.: Издательский дом «Дело», 2016. 592 с.
12. *Най Дж. С.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Пер. с англ. В. И. Супруна. Новосибирск, ФСПИ «Тренды», 2006. 221 с.
13. *Харин А. Н.* Альтернативные модели нации-государства в современном мире: монография. М.: Наука, 2016. 386 с.